

ЭРИК ХОБСБАУМ

После победы в войне Соединенные Штаты: все шире и шире

Тем, у кого долгая память и есть понимание амбиций и истории империй прошлого — и их неизбежного падения, — нынешнее поведение Соединенных Штатов кажется знакомым, но все же беспрецедентным. Оно может привести к милитаризации США, дестабилизации Ближнего Востока и обеднению, во всех отношениях, остального мира.

Нынешняя мировая ситуация совершенно беспрецедентна. Великие мировые империи, существовавшие прежде, вроде Испании в XVI—XVII веках и особенно Британии в XIX—XX веках, вряд ли сопоставимы с тем, что мы наблюдаем сегодня в империи Соединенных Штатов. Нынешнее состояние глобализации беспрецедентно по своей интеграции, своей технологии и политике.

Мы живем в таком интегрированном мире, где даже самые обычные действия настолько подогнаны друг к другу, что любая помеха сразу приводит к глобальным последствиям — например, атипичная пневмония, которая за несколько дней стала глобальным явлением, начавшись из неизвестного источника где-то в Китае. Разрушение мировой транспортной системы, международных деловых встреч и институтов, глобальных рынков и даже целых экономик, происходит со скоростью, прежде немыслимой.

Постоянное революционирование технологии имеет огромное значение для экономики и прежде всего для военной силы. В военном деле технология стала важна, как никогда ранее. Политическая власть в глобальном масштабе требует сегодня обладания этой технологией в сочетании с очень крупным государством. Раньше вопрос о размере не был решающим: Британия, правившая в свое время самой большой империей, даже по меркам XVIII—XIX веков была средним по величине государством. В XVII веке Голландия, государство, сопоставимое по размерам со Швейцарией, смогла стать глобальным игроком. Сегодня же сложно представить, чтобы какое-то государство, не будучи гигантом, но богатое и технологически развитое, смогло стать мировой державой.

Сегодняшняя политика имеет сложный характер. Наша эпоха по-прежнему остается эпохой национальных государств — единственный аспект глобализации, где она не работает. Но это особая разновидность государства, в котором почти каждый обычный житель играет важную роль. В прошлом те, кто принимали решения, управляли государствами, редко оглядываясь на то, что думает большая часть населения. А в конце XIX — начале XX веков правительства могли полагаться на мобилизацию своих народов, которая — ретроспективно — ныне совершенно невероятна. Однако то, что думает или собирается делать население, в наши дни важно для них как никогда.

Основное новшество американского имперского проекта заключается в том, что все остальные великие державы и империи знали, что они такие не одни, и не ставили своей целью господство во всем мире. Ни одна из них не считала себя неуязвимой, даже если они считали себя центром мира, как это было в случае с Китаем или Римской империей в пору ее наивысшего развития. Региональное господство было наивысшей опасностью, предусмотренной системой международных отношений, при которой мир жил до конца холодной войны. Всемирный размах, который стал возможен после 1492 года, не следует путать с мировым господством.

Британская империя в девятнадцатом веке была единственной, которая действительно была всемирной в том смысле, что действовала она в планетарном масштабе, и в какой-то мере она является возможным прецедентом для американской империи. Русские в коммунистическую эпоху мечтали о всемирном преобразовании, но они прекрасно знали — даже в момент наивысшей мощи Советского Союза, — что мировое господство для них недостижимо, и, вопреки риторике холодной войны, они никогда всерьез не стремились к такому господству.

Но разница между сегодняшними американскими амбициями и амбициями Британии сто и более лет назад абсолютна. США — это огромная в пространственном отношении страна с одним из самых многочисленных населений в мире, по-прежнему (в отличие от Европейского Союза) растущим за счет почти бесконечной иммиграции. Есть и различия в стиле. Британская империя на пике своего могущества занимала и управляла четвертой частью земной поверхности.¹ На самом деле США никогда не практиковали колониализм, за исключением краткого периода международной моды на колониальный империализм конца XIX — начала XX веков. Вместо этого США оказывали влияние на зависимые государства и государства-сателлиты, особенно в Западном полушарии, где у них почти не было никаких соперников. В отличие от Британии, они развертывали в них в двадцатом веке политику вооруженного вмешательства.

Поскольку прежде основной силой мировой империи был флот, Британская империя заняла стратегически важные морские базы и наблюдательные посты во всем мире. Именно поэтому от Гибралтара до Святой Елены и Фолклендских островов, как и прежде, реет флаг Соединенного Королевства. У США потребность в такого рода базах за пределами Тихого океана появилась только после 1941 года, но создавались они путем достижения

¹ Хобсбаум Э. *Век империи. 1875—1914*. Ростов-на-Дону, 1999.

взаимного согласия между теми, кого тогда действительно можно было назвать коалицией согласных. Сегодня другая ситуация. США осознали необходимость прямого контроля над очень большим числом военных баз, а также сохранения косвенного контроля над ними.

Важные различия присутствуют в структуре самого государства и его идеологии. Британская империя имела британскую, а не универсальную, цель, хотя, естественно, ее пропагандисты тоже находили более альтруистические мотивы. Поэтому отмена работорговли использовалась для оправдания британского военно-морского могущества, как сегодня права человека зачастую используются для оправдания американского военного могущества. С другой стороны, США, как революционная Франция и революционная Россия, — это великая держава, основывающаяся на универсалистской революции, а потому основывающаяся на вере в то, что остальной мир должен последовать ее примеру или даже что она должна помочь освобождению остального мира. Мало что бывает опаснее империй, преследующих свои интересы, будучи убежденными в том, что они оказывают человечеству услугу.

Основное отличие заключается в том, что Британская империя, хотя и была глобальной (в определенном смысле, даже более глобальной, нежели США сейчас, поскольку она единолично правила океанами в такой степени, в которой ныне ни одна страна не правит небом), но все же не стремилась к власти над миром или даже военной и политико-территориальной власти над регионами, вроде Европы и Америки. Империя преследовала основные интересы Британии, каковыми были ее экономические интересы, осуществляя как можно меньшее вмешательство. Она всегда осознавала ограниченность размеров и ресурсов Британии. А после 1918 года она остро осознала собственный имперский упадок.

Но глобальная империя Британии, первой индустриальной нации, несла в себе зерно глобализации, которое весьма способствовало развитию британской экономики. Британская империя была системой международной торговли, в которой она — по мере развития промышленности в Британии — главным образом опиралась на экспорт продукции в менее развитые страны. В свою очередь Британия стала основным рынком мирового сырья.² После того, как она перестала быть мастерской мира, она стала центром мировой финансовой системы.

У США другая экономика. Она опиралась на защиту отечественной промышленности на потенциально гигантском рынке от внешней конкуренции, и это остается важнейшей составляющей американской политики.

Когда американская промышленность стала доминировать в мировом масштабе, ее стала устраивать свободная торговля, как она устраивала британцев. Но один из недостатков американской империи XXI века заключается в том, что сегодня в индустриализованном мире экономика больше не доминирует, как прежде.³ То, что США импортируют в больших количествах, произведено в остальном мире, а реакция на это как деловых кругов, так

² Там же.

³ Chalmers Johnson, *Blowback: The Costs and Consequences of American Empire*, Owl Books, 2001.

и простых избирателей остается протекционистской. Существует противоречие между идеологией примирения контролируемой Соединенными Штатами свободной торговли и политическими интересами важных элементов внутри США, которые оказываются ослабленными ею.

Один из немногих способов, при помощи которого можно преодолеть этот недостаток, — рост торговли оружием. В этом состоит еще одно различие между Британской и американской империями. Особенно после Второй мировой войны, наблюдался чрезвычайно высокий уровень непрерывного наращивания вооружений США в мирное время, беспрецедентный в современной истории: оно могло быть основой господства того, что президент Дуайт Эйзенхауэр назвал «военно-промышленным комплексом». В течение сорока лет холодной войны обе стороны говорили и действовали так, как если бы война уже велась или вот-вот должна была начаться. Британская империя достигла своего зенита за столетие, когда не было крупных международных войн — с 1815 по 1914 год.

Кроме того, несмотря на явную диспропорцию между мощностью США и СССР, этот импульс для роста военной промышленности США стал намного сильнее как раз перед окончанием холодной войны и с тех пор остается неизменным.

Холодная война превратила США в гегемона Западного мира.

Однако они играли роль главы альянса. Не было никаких иллюзий насчет власти. Власть была в Вашингтоне и нигде больше. В некотором смысле Европа тогда признала логику американской мировой гегемонии, тогда как сегодня правительство США реагирует на то, что американская империя и ее цели больше не получают искреннего признания.

Нет никакой коалиции согласных: на самом деле нынешняя американская политика более непопулярна, чем политика любого другого прежнего американского правительства, и, вероятно, чем политика любой другой великой державы прошлого.

Американцы возглавляли западный альянс со степенью учтивости, традиционной в международных отношениях, по той простой причине, что европейцы должны были находиться на передовой линии в борьбе против советских армий: но альянс долгое время был привязан к США из-за зависимости от их военной технологии. Американцы всегда последовательно противились существованию независимого военного потенциала в Европе. Корни давнишних трений между американцами и французами со времен правления де Голля лежат во французском отказе признавать любой альянс между государствами вечным и упорным поддержанием независимого потенциала для создания высокотехнологичного военного оборудования. Однако, несмотря на трения, альянс был реальной коалицией согласных.

Крушение Советского Союза сделало США единственной сверхдержавой, которой ни одна другая держава не смогла или не захотела бросить вызов.

Неожиданное появление странных, жестоких, враждебных вывертов США сложно понять, тем более потому, что это не согласуется ни с длительной имперской политикой, развивавшейся во время холодной войны, ни с интересами американской экономики. Политика, которая недавно возобладала в Вашингтоне, кажется всем сторонним наблюдателям настолько безум-

ной, что трудно понять, на что она на самом деле нацелена. Но очевидно, что публичное утверждение глобального превосходства военной силой — это то, что находится в головах тех людей, которые сейчас определяют или по крайней мере частично определяют принятие политических решений в Вашингтоне. Цель его остается неясной.

Может ли она быть успешной? Мир слишком сложен, чтобы какое-то одно государство властвовало над ним. И если не брать во внимание военное превосходство в высокотехнологичном вооружении, США зависят от сокращения, или потенциального сокращения, активов. Их экономика, хотя и велика, но занимает все меньшую долю в мировой экономике. Она уязвима в ближайшей перспективе точно так же, как и в долгосрочной. Представьте, что завтра Организация стран-экспортеров нефти решит перевести все свои счета в евро вместо долларов.

Хотя у США все еще есть определенные политические преимущества, большая их часть была утрачена за последние 18 месяцев. Есть незначительный актив доминирования американской культуры и английского языка. Но главный актив имперских проектов в настоящее время является военным. Американская империя вне конкуренции в военном отношении, и, вероятно, такая ситуация в обозримом будущем сохранится. Это не значит, что она будет иметь решающее значение просто потому, что она имеет решающее значение в локальных войнах. Но в практическом отношении никто, даже Китай, не сравнится с технологическими достижениями американцев. Но здесь необходим довольно тщательный анализ пределов технологического превосходства.

Конечно, теоретически американцы не стремятся завоевать весь мир. Они стремятся начать войну, оставить после себя дружественное правительство и вернуться обратно домой. Это работать не будет. С военной точки зрения, иракская война была весьма успешной. Но только с военной точки зрения, поскольку без внимания оставалось то, что необходимо сделать при захвате страны — управление ею, поддержание ее, как это делали британцы в классической колониальной модели Индии. Модель «демократии», которую американцы хотят предложить миру, для Ирака моделью не является и не подходит. Вера в то, что США не нуждаются в настоящих союзниках среди других государств или в действительной народной поддержке в странах, которые их военные способны сейчас завоевать (но не способны ими по-настоящему управлять), — это фантазия.

Война в Ираке была примером легкомысленности американской администрации. Ирак был страной, которая потерпела поражение от американцев и отказалась покориться: страной настолько слабой, что ее легко можно было бы снова разбить. Война должна была вестись за активы — нефть, но на самом деле ее целью была демонстрация власти над миром. Политика, о которой говорят безумцы в Вашингтоне, — полное переустройство всего Ближнего Востока — лишена всякого смысла. Если их цель состоит в свержении Саудовского королевства, то что они планируют поставить вместо него? Если они всерьез озабочены изменениями на Ближнем Востоке, то мы знаем, что им действительно следует сделать: надавить на израильтян. Отец Буша был готов это сделать, но в Белом доме сейчас не он. Вместо этого ны-

нешняя администрация уничтожила одно из двух гарантированно светских правительств на Ближнем Востоке и мечтает сместить другое — сирийское.

Пустота политики очевидна из того, что цели были сформулированы в манере *public relations*. Фразы, вроде «оси зла» или «дорожной карты», — это не политические заявления, а просто слова, которые накапливают собственный политический потенциал. Господствующий новояз, захлестнувший мир в последние 18 месяцев, является признаком отсутствия действительной политики. Буш делает не политику, а театральные жесты. Такие руководители, как Ричард Перл и Пол Вулфовиц, рассуждают в духе Рэмбо как на публике, так и в узком кругу. Значение имеет лишь подавляющее превосходство Соединенных Штатов. На самом деле это означает, что США могут вторгнуться в любую довольно небольшую страну, где они достаточно быстро могут одержать победу. Это не политика. Такое сработает. И последствия этого для США будут очень опасными.

Реальная опасность для самой страны, которая стремится к контролю над миром, по сути, военными средствами, состоит в опасности милитаризации. И она серьезно недооценивается.

В международном масштабе опасность заключается в дестабилизации мира. Ближний Восток — всего лишь один пример такой дестабилизации — теперь гораздо нестабильнее, чем десять или даже пять лет назад. Американская политика делает неэффективными все альтернативные меры, официальные и неофициальные, по поддержанию порядка. В Европе она привела к краху Североатлантического союза — уже немалая потеря; но попытка превратить НАТО во всемирную военно-полицейскую силу Соединенных Штатов — это карикатура. Осознание многими кризиса доверия к Организации Объединенных Наций менее драматично, чем то, что ООН больше не сможет предпринимать даже незначительные шаги из-за своей полной зависимости от Совета Безопасности и использования права вето Соединенными Штатами.

Как мир должен противостоять — обуздать — США? Отдельные народы, полагая, что у них нет сил противостоять США, предпочитают к ним присоединиться. Большую опасность представляют те народы, которые ненавидят идеологию Пентагона, но поддерживают проект США на том основании, что в процессе его осуществления он ликвидирует какие-то локальные и региональные проявления несправедливости. Это можно назвать империализмом прав человека. Ему способствовала неудача Европы на Балканах в 1990-х годах. Расхождения во мнениях по поводу иракской войны показало, что влиятельные интеллектуалы, включая Майкла Игнатъеффа в США и Бернара Кушнера во Франции, которые готовы были прикрыть американскую интервенцию, потому что считали, что должна существовать сила для борьбы со злом в мире, в меньшинстве. Бывают настолько плохие правительства, что их исчезновение приносит миру только выгоду. Но невозможно оправдать угрозу создания мировой державы, не интересующейся миром, которого она не понимает, но готовой на решительное силовое вмешательство всякий раз, когда кто-то делает что-то, что не нравится Вашингтону.

На этом фоне мы можем наблюдать растущее давление на средства массовой информации, потому что в мире, где общественное мнение имеет такое

значение, им также сильно манипулируют.⁴ Во время войны в Заливе 1990–91 годов были сделаны попытки избежать повторения вьетнамской ситуации путем запрета средствам массовой информации находиться близ театра военных действий. Но они оказались неудачными, потому что фактически в Багдаде находились средства массовой информации, например *CNN*, рассказывавшие не о том, что хотел слышать от них Вашингтон. И на сей раз, в иракской войне, контроль опять не сработал, поэтому будут искать более эффективные способы. Они могут принять форму прямого контроля, возможно, даже новейших средств технологического контроля, но союз правительств и монополистов будет еще более эффективным, чем *Fox News*⁵ или Сильвио Берлускони в Италии.

Как долго продлится нынешнее превосходство американцев, сказать невозможно. Единственное, в чем мы абсолютно уверены, — это то, что в историческом плане альянс будет временным явлением, как и все остальные империи прошлого. На своем веку мы видели конец всех колониальных империй, конец так называемого Тысячелетнего Рейха немцев, который просуществовал только 12 лет, конец мечты Советского Союза о мировой революции.

Есть ряд внутренних причин, по которым империя США не сможет долго просуществовать, и самая главная состоит в том, что большинство американцев не заинтересовано в империализме или мировом господстве в смысле правления миром. Их интересует то, что происходит с ними в США. Слабость американской экономики такова, что на определенном этапе правительство и избиратели решат, что куда более важно сконцентрироваться на экономике, нежели продолжать заграничные военные авантюры.⁶ Тем более что эти заграничные военные вмешательства должны будут оплачиваться главным образом самими американцами, чего не было во время войны в Заливе, не говоря уже о холодной войне.

С 1997–98 годов мы жили в состоянии кризиса мировой капиталистической экономики. Она не стоит на краю гибели, но маловероятно, что США продолжат вести свою амбициозную внешнюю политику, имея серьезные проблемы у себя дома. Даже по местным деловым стандартам у Буша нет адекватной экономической политики для США. И нынешняя международная политика Буша не особенно отвечает интересам американской империи и, конечно же, интересам американского капитализма. Отсюда расхождение во мнениях в американском правительстве.

Основная проблема сейчас состоит в том, что американцы будут делать дальше и какой будет реакция других стран? Станут ли отдельные страны, подобно Великобритании — единственному настоящему члену правящей коалиции, и дальше продолжать следовать неким американским планам? Их правительства должны дать понять, что есть границы того, что американцы могут делать со своей силой. Пока что наиболее существенный вклад был внесен турками, попросту заявившими, что есть вещи, которые они не гото-

⁴ «France protests US media plot», *International Herald Tribune*, 16 May 2003.

⁵ Eric Alterman, «United States: making up the news», *Le Monde diplomatique*, English language edition, March 2003.

⁶ «US unemployment hits an 8-year high», *International Herald Tribune*, 3 May 2003.

вы делать, даже зная, что это окупится. Но в настоящее время основной предмет озабоченности – это, если и не сдерживание, то во всяком случае воспитание или перевоспитание США.

Было время, когда американская империя понимала ограничения или, по крайней мере, желательность поведения, как если бы эти ограничения существовали.

Так было в значительной степени потому, что США опасались кого-то другого – Советского Союза. В отсутствии такой опасности должны возобладать разумный эгоизм и просвещенность.

Перев. с англ. Артема Смирнова